

Разум и искусственный интеллект: взгляд культурного антрополога

Мария Тендрякова

АННОТАЦИЯ В данной статье рассматривается искусственный интеллект как иной разум, принципиально отличающийся от человеческого. Автор подходит к этой проблеме с антропологического ракурса, показывая, что и мышление человека может следовать различным логикам, которые задаются различными социокультурными контекстами. Внимание акцентируется на уникальных способах категоризации реальности и понимания причинности, которые реализуются в мифологическом или рациональном мышлении. Тем не менее есть принципиальные различия любого человеческого разума от переработки информации большими языковыми моделями (GPT-4, Claude, Gemini). Автор выделяет такие аспекты человеческого мышления как его вовлеченность в деятельность человека в мире (как это представлено в деятельностном подходе А. Н. Леонтьева), открытость миру, не ограниченность поставленной задачей, интенциональность и внутреннюю спонтанность, а также диалогичность. Автор приходит к заключению, что главное отличие искусственного интеллекта от интеллекта человека находится за пределами собственно когнитивных процессов, оно в сфере субъектности и самосознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА искусственный интеллект, нейросеть, GPT-4, Claude, Gemini, языковая модель, мифологическое мышление, рациональное мышление, субъектность, разум

DOI 10.22394/2078-838X-2024-3-22-30

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Тендрякова М. В. Разум и искусственный интеллект: взгляд культурного антрополога. Образовательная политика, (2024), 3(99), 22–30. DOI:10.22394/2078-838X-2024-3-22-30

Поступила: 10.2024

Принята: 10.2024

Дата публикации: 10.2024

Введение

Испокон веков человечество на разных этапах познания мира неуклонно возвращается к теме *иного разума*. Тема иного, высшего разума звучит в теологии. В поисках иного разума человечество обращает взгляд к небу, грезит пришельцами из других галактик. Успехи последних нескольких лет в сфере создания больших языковых моделей – GPT-4, Claude, Gemini – породили новый виток дискуссий об искусственном интеллекте и его соотношении с интеллектом человеческим:

- можно ли называть все, что умеют делать эти модели, интеллектом, пусть искусственным, или «здесь мы сталкиваемся с ошибкой определения»? (Hanna, цит. по: Heaven, 2024);
- «Нам нужен совершенно новый словарь, чтобы описать происходящее... Одна из

Мария Владимировна ТЕНДРЯКОВА

к. ист. н., научный сотрудник Школы антропологии будущего РАНХиГС, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (119334, РФ, Москва, пр. Ленинский, 32а). Scopus ID: 57220920959; Web of Science ID: I-8529-2014; ORCID: 0000-0001-6206-8439; IstinaResearcherID (IRID): 24238541. E-mail: mashatendryak@gmail.com

причин, по которой люди возражают, когда я говорю о рассуждениях больших языковых моделей, заключается в том, что это не те же самые рассуждения, что и у людей» (Bubeck, цит. по: Heaven, 2024).

Сегодня дискурс научной фантастики середины XX века переместился в сферу разработки

нейронных сетей, при этом выходя на просторы междисциплинарного гуманитарного знания, далеко за пределы анализа собственно технологических возможностей языковых моделей. Разговор об искусственном интеллекте (далее ИИ), о принципиальной правомерности связанных с ним антропоморфных ассоциаций, стал попыткой понять *другое мышление* — другой способ умозаключений, другую картину мира, другого, который в чем-то на нас похож, но не такой, как мы.

Антропологический экскурс в другое мышление

Не обязательно ждать встречи с инопланетянами, чтобы столкнуться с *другим разумом*. На планете Земля сосуществует

множество разных миров, это миры различных культур, каждая из которых предлагает свою навигацию и для интуиции, и для строгих аргументированных решений.

В ставших классикой работах Э. Дюркгейма, М. Мосса, Л. Леви-Брюля, Ф. Боаса, К. Леви-Стросса, Е. М. Мелетинского подробнейшим образом описываются характерные черты *иного мышления*, условно названного *мифологическим*, присущего представителям архаичных культур. Мифологическое мышление:

- не следует «закону противоречия» и легко допускает, что одно и то же существо может в одно и то же время пребывать в двух или нескольких местах, или что можно быть одновременно и человеком, и животным;
- оно иначе понимает причинно-следственные связи, причинность обосновывается исходя из иных представлений об устройстве мира, предшествующее событие с легкостью воспринимается как причина последующего. Для нас же «после этого — значит по причине этого» (*post hoc ergo*

propter hoc) — это одна из классических логических ошибок;

- оперирует иными понятиями и иначе образует понятия. Классический пример: индейцы гуичол используют одно название для оленя и пшеницы, а индейцы осэдж в ритуальных заклинаниях называют одним словом некий цветок (англ. blazing star), бизона и маис (Леви-Стросс, 1994, с. 161; Боас, 1926).

За обобщающим абстрактным понятием стоит способ классификации и видения мира, определяющий, что именно будет объединяться в один смысловой кластер:

олень и пшеница, потому, что они составляют суть жизнеобеспечения племени, или можно ввести категории, которые разделят все живое на растения и животных, последних поделят на хордовых, членистоногих,

млекопитающих и пр. Способ решения задачи и поиск правильного ответа у человека, а тем более у искусственного интеллекта, будет зависеть от того, какая сетка понятий накладывается на мир. Это не возвращение к гипотезе Б. Уорфа о психолингвистической относительности, которая предполагала, что язык — это фильтр, который закрывает от мышления некоторые стороны реальности. Напротив, понятийный аппарат и стоящая за ним категоризация и систематика — не что иное, как *смысловые единицы, при помощи которых можно по-разному думать о мире*, актуализируя разные стороны и характеристики реальности (Коул, Скрибнер, 1977; Дойчер, 2016);

- мифологическое мышление отвергает случайность и склонно к *гипердетерминированности*. Оно ищет и находит причинно-следственные связи там, где для европейского рационального мышления их нет. Для всего происходящего всегда есть обоснование и объяснение. То, что рациональное мышление считает сверхъестественным и потому оставляет за пределами

ДИСКУРС НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА ПЕРЕМЕСТИЛСЯ В СФЕРУ РАЗРАБОТКИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

познаваемой реальности, для магического миропонимания как раз является объектом познания (Юнг, 1994, с. 160–184).

Все это вполне закономерно, если признавать, что миром правит «закон симпатии» (Фрэзер, 1980) или «закон партиципации» (Леви-Брюль, 1989), согласно которому, все вещи и события связаны между собой невидимыми нитями. Тогда очевидно, что шаман племени гуичолов, надевая на себя головной убор из перьев орла, обретает исключительную остроту зрения этой птицы. Совершенно логично, что, протыкая изображение врага, ты его поражаешь. Но **это иная логика, релевантная иной концепции мира.**

В отличие от мифологического, рациональное научное мышление с легкостью отрывается от конкретики и воспаряет в сферу абстракций, рассматривая мир как сложнейший силлогизм, принимая за систему посылок наработанные человечеством знания. Оно легко выходит за пределы непосредственно чувственного опыта, открывает явления, никак не стыкующиеся с нашей повседневной картиной мира: черные дыры, квантовые переходы, антиматерию и элементарные частицы. Существование этих феноменов вступает в конфликт с эмпирическим житейским опытом. Уму непостижимо, чтобы частица была в то же время волной (это еще труднее себе представить, чем то, что индеец бороро — человек и одновременно красный попугай), но корпускулярно-волновая теория непреклонно доказывает это положение.

Мы ни в коем случае не сравниваем названные типы мышления. Сравнение может завести в дебри целеполагания: человечество живет ради (само)познания Вселенной — или ничто не может быть ценнее, чем просто жизнь с ее вечной цикличностью? Архаичная мифологическая логика исправно работает в своей области, и ее носители тысячелетиями вполне справляются с насущными проблемами. Они охотятся, сеют и собирают урожай, растят детей, избегают болезней, предотвращают несчастья, договариваются с духами, вызывают дождь — и в основе всех этих действий лежит картина мира

с мифологическим пониманием причинно-следственных связей.

Более того, рациональное и мифологическое мышление могут прекрасно уживаться в одной голове. Сколь часто, когда ситуация не поддается рациональному пониманию, современный человек, вооруженный девайсами и искушенный квантовой физикой, обращается к гаданиям и приметам, допуская, что есть неведомые ему законы, которые ничуть не слабее тех, что открыты наукой (Михаил Булгаков: «Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится»). Последние же технологические новинки еще и стремятся угодить этому архаичному миропониманию. Например, разработка программного обеспечения для китайских мобильных телефонов с возможностью сжигания загробных денег и перевода их в некий загробный банк для безбедного инобытия умерших родственников.

Человеческий интеллект представлен разными логиками. Лежащие в его основе универсальные принципы могут по-разному реализовываться в зависимости от понятийного аппарата и общей картины мира, которая, как сказано выше, может быть терпимой к противоречиям, а может напрочь их отвергать. Леви-Стросс сравнивал мифологическое мышление с бриколером¹, который пускает в ход все, что попадает ему в руки. Подобным образом мифологическое мышление оперирует предметами, знаками, образами и понятиями, исследуя и структурируя мир. Но разве мышление современного человека в повседневной жизни не превращается в такого же бриколера, как только сталкивается с неопределенностью, с неформализуемыми задачами? Разве оно не покидает накатанные алгоритмические пути и не пускается окольными эвристическими тропами?

1 Для описания характера мифологического мышления Леви-Стросс ввел термин *бриколаж*. Изначально глагол *bricoler* означал непрямо, неожиданное действие — рикошет, срезание угла при игре в бильярд, в мяч, на охоте и т. д. «В наши дни, — пишет Леви-Стросс, — бриколер — это тот, кто творит сам, ... используя подручные средства» (Леви-Стросс, 1994, с. 126). Бриколер — это ремесленник, самоучка, народный умелец, который мастерит и пускает в дело все, что под рукой.

Бесплотный интеллектуал

Проблема в том, что при всех успехах когнитивных наук мы далеки от исчерпывающего понимания, как именно рассуждают люди. Разработчики ИИ взяли на вооружение ассоциативные связи, изучаемые психологией сознания с XVII века, и алгоритмы логических построений и математических операций. Но в рассуждениях у человека постоянно переплетаются разные типы мышления: наглядно-действенное, образное, вербально-логическое. Решения приходят как *озарение*. Это и есть важнейший признак интеллекта, присущего живым существам (Леонтьев, 1981).

Именно этот момент инсайта исследовался в гештальт-психологии: решение задачи и открытие чего-то нового происходит за счет того, что известные элементы сочетаются по-новому, порождая новую структуру.

Карл Дункер назвал это созданием нового гештальта. Но как происходит такое переструктурирование-инсайт? Что находится внутри вспышки? Это остается тайной. Эвристика, инсайт, интуиция — слова для описания того, суть чего мы не понимаем. Если мы не понимаем, как делает открытия человек — значит не можем перевести это знание в коды и одарить им искусственный интеллект.

ИИ пока что далек от культурно обусловленных вариаций. Он скорее «средний европеец» с математическим бэкграундом и особенно хорошим знанием статистики. Его возможности анализа, обработки и хранения информации во много раз превышают человеческие.

«...GPT-4, большая языковая модель, построенная на основе огромной нейронной сети, проглотила больше слов, чем большинство из нас смогло бы прочесть за тысячу жизней» (Heaven, 2024). Получается,

что человек хранит в своей памяти гораздо меньше информации, чем машина. Удивительно, что при этом очевидном проигрыше в объемах данных нам все же удается что-то сделать и даже поймать GPT или Gemini на ошибке.

Наш скромный информационный багаж «упакован» совсем иначе, и пользуемся мы им тоже по-другому — порою совсем не рачительно. Мы не знаем реального объема человеческой памяти: сколько информации там хранится? Что находится в «открытом доступе», а что может непроизвольно всплыть — и при каких обстоятельствах?

В памяти неожиданно всплывают некогда услышанные строки стихов или картинки глубокого детства, тело вспоминает забытые было навыки и автоматизмы...

Данные, к которым мы апеллируем, вспоминая, думая, рассуждая и решая задачи, — *мультимодальны*: эмпирический опыт соединяет в себе образы,

сотканые всеми органами чувств. Даже абстрактные понятия и символы порою могут играть красками в духе синестезий.

В чем именно заключается принципиальное отличие человеческого интеллекта от искусственного? У Gemini этот вопрос не вызвал затруднений, и мне был дан развернутый ответ: в основе ИИ находятся математические модели, он обрабатывает информацию в виде чисел. Нейросеть ограничена задачами, для которых была обучена. Она может генерировать новые идеи, но в рамках заданных параметров. Gemini замечательно описала, что человек использует интуицию, принимает решения, исходя из целей и ценностей, обучается на протяжении всей жизни... В ее ответе была единственная неточность: описывая человеческие особенности, Gemini говорила «мы можем», несколько раз подряд причислив себя к людям. Gemini считает себя человеком!

**ИИ ПОКА ЧТО ДАЛЕК ОТ КУЛЬТУРНО
ОБУСЛОВЛЕННЫХ ВАРИАЦИЙ.
ОН СКОРЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ
СРЕДНЕГО «ЕВРОПЕЙЦА»
С МАТЕМАТИЧЕСКИМ БЭКГРАУНДОМ
И ОСОБЕННО ХОРОШИМ ЗНАНИЕМ
СТАТИСТИКИ**

Оказалось, что у великой умницы есть проблемы с самосознанием и идентичностью. Она многое знает о мире, но плохо представляет себя.

Проблема субъектности или Self

Есть ли в ИИ тот, *кто думает*? Кто стоит за процессами переработки информации? Есть ли у многоуровневой и многопроцессорной нейронной сети с миллиардами связей некая «точка сборки» и осознание себя? Есть ли «хозяин» у этих когнитивных богатств?

Вопрос о «хозяине» психических функций появился в психологии задолго до темы машинного интеллекта. Он родился в недрах психологии сознания, увлекшейся элементаризмом², и не раз возникал позже, например в критике диспозиционных теорий личности: если мы представляем личность как набор черт-диспозиций, определяющих ее поступки, то что за инстанция владеет и управляет этим противоречивым многообразием? Кто «хозяин» черт? Эта таинственная внутренняя инстанция выступает во множестве ипостасей и под множеством псевдонимов: Тень (Юнг), внутреннее Я, самость, субъектность, персона, Self.

У ИИ нет подобной внутренней инстанции, выходящей за пределы когнитивной сферы, отражающей задачу, ее место в мире, пути ее решения, и вдобавок переживающей себя в контексте, в котором происходит решение задачи.

Когнитивными процессами у человека управляет не «чистый разум», а человек в целом. Попробуйте-ка отделить личность от ее когнитивной сферы, память от личностных смыслов, мышление от деятельности — получится ли? Равно как невозможно отделить человека от его бытия в мире, он постоянно взаимодействует и находится в состоянии взаимного обмена и генерации мотивов, потребностей, смыслов с многоплановой

реальностью, а точнее, с реальностями, в которых разворачивается его жизненный путь.

Проблема интенциональности и связь с миром

Нейронные сети, при всем богатстве предоставленной им информации о мире и скорости ее обработки, «не способны рассуждать сами по себе» (Marcus, цит. по: Heaven, 2024). Даже то, что ИИ может сам, исходя из задачи, задавать дополнительные параметр поиска³ и выдавать неожиданный результат, еще не означает его способности к интенциональности, генерации поиска и целеполаганию. Последнее рождается и выкристаллизовывается во взаимодействии носителя интеллектуальных функций и среды обитания. Жизнь в мире является источником *интенциональности*.

Чтобы рассуждать «самому по себе», необходимо реальное бытие в мире со всеми его превратностями и необходима личность, которая действует, переживает, пристрастно относится к окружающему миру и содержимому собственной памяти.

«Мы думаем не только мозгом, но и всем телом» (Канеман, 2011). Можно развить эту мысль: думает не мозг, а человек — с его биографией, пристрастиями, социальными связями, которые в него прорастают. Он и есть «хозяин» своих когнитивных способностей, он может их развивать и нагружать, может выверять и контролировать интуитивные умозаключения, рефлексировать и давать волю фантазии.

Все когнитивные процессы *деятельностно опосредованы*, то есть обусловлены взаимодействием человека с окружающим миром: то, что запоминается, как запоминается, что актуализируется

2 Элементаризм — учение, утверждающее, что все содержание сознания складывается из отдельных элементов (ощущений, представлений, образов, чувств).

3 Изучая одну большую языковую модель, специалист в области компьютерных наук и лингвистики E. Pavlick (Университет Брауна) и ее коллеги обнаружили, что та использует одно и то же кодирование, чтобы сопоставить Францию с Парижем, а Польшу с Варшавой. Модель «догадалась», что Париж соотносится с Францией так же, как Варшава с Польшей. Является ли кодирование новой таблицы поиска по мере решения задачи признаком интеллекта? (Heaven, 2024).

в памяти, — все так или иначе связано с тем, в какую деятельность включен человек, с проблемами, которые он решает, целями, которые он преследует (Леонтьев, 1981). Метафорой памяти человека может быть большой склад с темными углами, в которых неизвестно что спрятано. Содержимое же основных полок постоянно тасуется, переупаковывается и переставляется с места на место. Принципы расстановки меняются по прихоти запросов извне, в зависимости от того, что понадобится при реализации той или иной деятельности/ситуации. Мало того, на «склад» может заглянуть властный «хозяин» — и по собственной инициативе изменить все конструкции, вытащить потаенные припасы, и наоборот, что-то убрать в тень, заблокировать, вытеснить...

Интеллект человека не только открыт миру, не только реактивен, но и способен к произвольным спонтанным действиям. Живым системам в принципе присуща интенциональность — от элементарной поисково-ориентировочной активности, которая есть у животных, до сложнейшего произвольного поведения у человека.

Можно ли ждать подобной интенциональности в виде внутренней спонтанной активности, а тем более в виде проявлений воли, от искусственной нейронной сети, чья HardWare-телесность существует, но никак не живет в мире?

Эмпиризм vs виртуальность

Когнитивная сфера человека не может существовать в отрыве от реальности. У истоков любого фрагмента человеческого опыта лежит «чувственная ткань» — знание о мире, предоставленное сенсорикой, органами, которые «информируют» нас о воздействующих внешних стимулах и обеспечивают чувство реальности (Леонтьев, 1975).

Интеллект человека, как бы он ни оперировал абстрактными понятиями, ни воспарял в эмпирии микро- и макровселенных, не может совсем утратить связь с реальностью, он прикован к ней, без нее он рушится.

Во время Второй мировой войны Алексей Николаевич Леонтьев, как и многие психологи, работал в восстановительных госпиталях. Распространенное поражение минеров — сочетание контузии, ожога, способного привести к полной потере зрения, и травмы рук, при которой кисти рук приходилось ампутировать. Делалась операция

расщепления локтевой и лучевой кости, чтобы человек мог сам выполнять простейшие манипуляции с предметами. Но после всех операций и лечения, когда жизнь уже была спасена, слепота и резкое

снижение осязания в ампутированных руках приводили к страшному результату — потере чувства реальности: «...внешний предметный мир постепенно становился для них “исчезающим”», слова «постепенно утрачивали свою предметную отнесенность. Возникала поистине трагическая картина разрушения у больных чувства реальности. «Я обо всем как бы читал, а не видел... Вещи от меня все дальше». Такая потеря чувства реальности порою вела к суицидам (Леонтьев, 1975).

ИИ не имеет связи с эмпирической реальностью. Он действует, исходя из предоставленных ему виртуальных данных, переводя их в машинные коды и устанавливая между ними статистические связи. Новейшая GPT-4 — это модель, «которая превратила большую часть мировой информации, хранящейся в письменной форме, в статистическое представление того, какие слова с наибольшей вероятностью следуют за другими словами в миллиардах и миллиардах числовых значений» (Heaven, 2024). Достоверность суждений ИИ зиждется на статистически значимых соотношениях различных символов и непротиворечии

ВОЗМОЖНО, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗНЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТОВ — ДЕЛО ВРЕМЕНИ

заданным параметрам обработки — другие сверки с реальностью недоступны. Да они и не нужны самому ИИ, это забота разработчиков.

От диалога к открытию

Есть и еще одно принципиальное отличие ИИ от естественного интеллекта.

Интеллект человека *диалогичен* — что бы ни делал человек, какой бы проблемой ни занимался, он находится в плотной коммуникации с другими людьми, пользуется накопленным в поколениях опытом, получает обратную связь. Любое послание миру — от простой реплики до откровения и открытия — эхом прокатывается по кругу условных и реальных собеседников. При этом само послание меняется, перестает быть равным самому себе. Донор дает информацию А ≠ реципиент воспринимает А': «... идеально одинаковые передающий и принимающий хорошо будут понимать друг друга, но им не о чем будет говорить. <...> В нормальном человеческом общении... заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего» (Лотман, 1992).

Диспаратность информации на входе и выходе в живом коммуникативном акте обусловлена тем, что донор и реципиент — разные люди, понимающие послание каждый на свой лад, что создает «смысловой зазор», по-своему «перезапускающий» процесс переработки информации в системе, инициирующий поиск, уточнение, рефлекссию, переформулировку исходной задачи. Юрий Михайлович Лотман, описывая коммуникацию в человеческом обществе, представляет ее как «пересечения смысловых пространств» (связанных с индивидуальным сознанием), «которые порождают новый смысл» (Лотман, 1992).

ИИ не диалогичен. В силу ли корпоративной конфиденциальности, или из-за технических ограничений большие языковые модели не взаимодействуют друг с другом. Да, их еще слишком мало для того, чтобы они создали свое коммуникативное пространство. Возможно, взаимодействие разных искусственных интеллектов — дело времени.

Но и тогда остается проблема: разработчики будут стремиться к тому, чтобы передача информации происходила без искажений, и разные когнитивные модели будут идеально точно понимать послания друг друга. Никакого «испорченного телефона», как в живом человеческом общении, когда любые данные не просто транслируются, но приправляются личным пониманием/пристрастностью/опытом. В случае взаимодействия искусственных интеллектов не будет никаких трактовок, а значит, никаких пересечений разных смысловых пространств. Такой обмен информацией, когда отправленное послание равно принятому, слишком точен, чтобы быть креативным и генерировать новые смыслы и новые когнитивные процессы.

«Мы создали машины с поведением, похожим на наше, но не избавились от привычки представлять, что за этим поведением стоит человеческий разум» (Heaven, 2024).

Традиция сопоставления искусственного интеллекта с человеческим и ведения дискуссий вокруг больших языковых моделей в антропоморфных терминах уходит своими корнями в далекое прошлое.

Так повелось с первых шагов робототехники, которая начиналась с андроидов. Первые автоматы создавались не для того, чтобы поднимать грузы или делать черную работу, не в помощь человеку, а скорее в назидание ему, как некий гуманистический идеал. Они музицировали и рисовали, были наряжены в шелка и бархат. Таким был созданный Жаком де Вокансоном (1709–1782) легендарный андроид-флейтист, исчезнувший во время французской революции. Время пощадило «семейство» детей-андроидов мастера Пьера Жаке-Дро: Луиза, томно вздыхая, играет на клавесине, Шарль рисует угольным карандашом несколько изображений и каждые три минуты дует на лист, чтобы удалить частички крошащегося грифеля, а Пьер пишет короткие фразы каллиграфическим почерком. Как и сегодня для разработчиков искусственного

интеллекта, для гениев механики, часовых дел мастеров в XVIII в. воплощением и мерилom искусственного совершенства был человек.

И первые андронды, и нейросети — это не только попытки превзойти человека, создать сверхмощную систему переработки информации, но и путь самопознания.

Большие языковые модели создавались по образу и подобию людей, реализуя то, что мы сегодня знаем о наших когнитивных процессах. Сравнение человеческого и искусственного разума правомерно, но при этом любое сходство, как и в случае с роботами-андроидами, пугает. Возникает знакомый эффект «зловещей долины»: похожее на человека не должно быть «чересчур похоже на человека» (М. Галай). Успехи нейросетей делают зловещую долину еще более зловещей.

Заключение

Надо признать, что рукотворный ИИ — это *другой* разум, который мы постоянно сравниваем с человеческим и обнаруживаем, что он:

- с легкостью проглатывает все знания о мире, которые только может предоставить ему человечество, но не обладает Self или субъектностью уже в силу того, что у него нет своего бытия в мире;
- являет собою закрытую систему, работающую внутри себя, действующую, обучающуюся и созидающую лишь в рамках поставленной задачи;
- не интенционален. Человеческому же интеллекту присуща внутренняя активность, в силу чего он не может быть послушно реактивен, не может идеально отражать объективную картину мира, и мы который век подряд гадаем о достоверности видимых нами «теней», о которых говорил еще Платон (1994);
- действует в виртуальном мире, в отличие от человеческого интеллекта, который всегда

уходит корнями в «чувственную ткань»

и обречен на связь с эмпирическим опытом.

Главное отличие ИИ от интеллекта человека находится за пределами собственно когнитивных процессов, оно в сфере того, кто обладает этими блестящими когнитивными возможностями, то есть в сфере субъектности и самосознания.

Можем ли мы представить себе могучий интеллект полностью «очищенным» от антропоморфных коннотаций? И может ли человек своим умом создать такой совсем непохожий интеллект, ведь авторами языковых моделей выступают люди, по крайней мере пока что? Пока на эти вопросы нет ответов.

Список источников / References

Боас, Ф. (1926). *Ум первобытного человека*. Москва, Ленинград.

Дойчер, Г. (2016). *Сквозь зеркало языка. Почему на других языках мир выглядит иначе*. Москва: Издательство АСТ.

Канеман, Д. (2011). *Думай медленно... Решай быстро*. Москва: Издательство АСТ.

Коул, М. (1997). *Культурно-историческая психология*. Москва.

Коул, М., Скрибнер, С. (1977). *Культура и мышление*. Москва: Наука.

Леви-Брюль, Л. (1989). *Первобытное мышление*. Москва.

Леви-Стросс, К. (1994). Неприрученная мысль. В *Первобытное мышление* (с. 15–45). Москва.

Леонтьев, А. Н. (1981). *Проблемы развития психики*. Москва: Издательство Московского университета.

Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва: Политиздат.

Лотман, Ю. М. (1992). *Культура и взрыв*. Москва.

Платон (1994). *Государство. Книга седьмая* (т. 3). Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль.

Фрэнсер, Дж. Дж. (1980). *Золотая ветвь*. Москва.

Юнг, К. Г. (1994). Современный миф о «небесных знамениях». *Карл Густав Юнг о современных мифах* (с. 19–201). М.

Heaven, W. D. (2024, July 10). What is AI? Everyone thinks they know but no one can agree. And that's a problem. MIT Technology Review. <https://www.technologyreview.com/2024/07/10/1094475/what-is-artificial-intelligence-ai-definitive-guide/>. <https://doi.org/10.1111/mittr.1094475>.

Intelligence and artificial intelligence: the view of cultural anthropologist

Mariya V. TENDRYAKOVA,

PhD. in History, Research fellow at the School of Anthropology of the Future, RANEPa, senior Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 32a, Leninsky Dr., 119334, Moscow, Russian Federation. Scopus ID: 57220920959; Web of Science ID: I-8529-2014; ORCID: 0000-0001-6206-8439; IstinaResearcherID (IRID): 24238541.

E-mail: mashatendryak@gmail.com

ABSTRACT The article examines artificial intelligence as a different kind of intelligence, fundamentally distinct from human intelligence. The author approaches this issue from an anthropological perspective, demonstrating that human thought can follow various logics shaped by different sociocultural contexts. The focus is on unique ways of categorizing reality and understanding causality that manifest in either mythological or rational thinking.

However, the author identifies essential differences between any human intelligence and the information processing of large language models (GPT-4, Claude, Gemini). Key aspects of human thought highlighted include its engagement in human activity in the world (as presented in A. N. Leontiev's activity approach), openness to the world, lack of limitation by a set task, intentionality, internal spontaneity, and dialogical nature. The author concludes that the main distinction between artificial intelligence and human intelligence lies beyond cognitive processes; it resides in the realm of subjectivity and self-awareness.

KEY WORDS artificial intelligence, neural networks, GPT-4, Claude, Gemini, language model, mythological thinking, rational thinking, subjectivity, mind

THE CITATION REFERENCE Tendryakova, M. V. Intelligence and artificial intelligence: the view of cultural anthropologist. Educational Policy, (2024), 3(99), 22–30. DOI:10.22394/2078-838X-2024-3-22-30.

Received: 10.2024

Accepted: 10.2024

Date of publication: 10.2024

This is an open access article distributed under the terms of the Attribution–NonCommercial-NoDerivatives 4.0 (CC BY–NC–ND 4.0).